

Юрий Романенко*

СОБЫТИЙНЫЙ ХАРАКТЕР ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В. ВИБИХИНА**

Получено: 20.01.2021. Рецензировано: 10.02.2021. Принято: 12.02.2021.

Аннотация: В статье рассматриваются событийные аспекты философского творчества В. В. Вибихина на материале его лекций, текстов и общения с современниками: С. С. Хоружим, С. С. Аверинцевым и А. В. Ахутиным. Исходя из педагогического опыта В. В. Вибихина можно вывести принципы преподавания философии, которые заключаются в событийности передачи знания от учителя к ученику, а также в единстве мысли, слова и жизни. В. В. Вибихин, как последователь А. Ф. Лосева и М. Хайдеггера, ориентировал свою мысль на прояснение онтологических проблем. Онтологическая мысль парадоксальна по своей природе. Это обнаруживается в чтении и истолковании вибихинских сочинений, а также в свидетельствах его полемического общения с коллегами. Одним из ярких онтологических споров последнего времени является дискуссия В. В. Вибихина и С. С. Хоружего о понятии энергии, являющейся существенной онтологической категорией. Этим выдающимся русскими мыслителями связывала длительная дружба, включающая в себя элемент интеллектуального соперничества. Автор называет это общение дружбой в поединке, имеющей парадоксальный характер. В тексте используется философское определение дружбы, представленное в книге П. А. Флоренского «Столп и утверждение истины» и имеющее антиномический характер. Событийность, парадоксальность и полемичность философской мысли В. В. Вибихина проявляется в его произведениях и переписке с друзьями. В статье приводятся показательные примеры этих моментов его интеллектуального творчества. В. В. Вибихин является одним из тех мыслителей, благодаря которым сохраняется русская философская традиция на фоне ее споров с другими национальными традициями.

Ключевые слова: Владимир Вибихин, Сергей Хоружий, событие, диалог, онтология, парадокс, философское образование.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-78-104.

Настоящий текст написан по материалам выступлений автора на трех научных мероприятиях последних лет, посвященных памяти Владимира Вениаминовича Вибихина и организованных его учениками и последователями. Первое событие случилось 18 сентября 2018 года в Институте философии РАН в рамках работы «Философской мастерской» в форме «Круглого стола к 80-летию В. В. Вибихина», который организовала Ю. В. Синеокая. Согласно программе этого мероприятия

*Романенко Юрий Михайлович, д. филос. н., профессор, РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), ug_romanenko@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-9637-2172.

**© Романенко, Ю. М. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

состоялись два ведущих доклада А. В. Михайловского и Я. Э. Мановас в контексте диалога «Темы, подсказанные В. В. Бибихиным», в которых выступающие обозначили перспективные направления исследования его творчества и анализа его наследия. Далее последовал собственно круглый стол, на котором присутствующие делились своими воспоминаниями и обсуждали актуальные сюжеты, связанные с философскими идеями В. В. Бибихина. Автор этих строк также выступил с небольшим докладом, посвященным значимости философских взглядов В. В. Бибихина в контексте современного философского образования в России (Круглый стол к 80-летию В. В. Бибихина, 2018).

Второе мероприятие — «Первые мемориальные Бибихинские чтения» — прошло 1–2 ноября 2019 г. в городе Бежецке Тверской области — на родине В. В. Бибихина. Эта конференция также была организована Институтом философии РАН, где он работал последние годы своей жизни. Я здесь выступил с докладом «Онтологические темы в философии В. В. Бибихина: парадокс и смена аспекта» (Первые Бибихинские чтения, 2019).

Третье мероприятие — «Вторые Бибихинские чтения» — состоялось 10–12 декабря 2020 г. также в Бежецке (организаторы — ИФ РАН и НИУ ВШЭ), укрепив надежду на то, что данная конференция может стать традиционной. Когда она готовилась, пришло печальное известие о кончине С. С. Хоружего, друга и интеллектуального собеседника В. В. Бибихина. По этой причине ряд выступлений участников был посвящен обим выдающимся мыслителям России последнего времени. Тема моего доклада в рамках программы: «В. В. Бибихин и С. С. Хоружий: дружба в поединке» (Вторые Бибихинские чтения, 2020).

В связи с вышесказанным композиция данной статьи включает в себя три части, в каждой из которых излагается содержание моих выступлений на данных мероприятиях, связанных общей идеей. Соответственно, это сказалось на стилистике письма, воспроизводящего устную речь.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ В. В. БИБИХИНА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Моя речь как представителя петербургской философии в контексте Круглого стола началась с того, что я напомнил уважаемым коллегам некоторые факты из биографии В. В. Бибихина, творчество которого было связано так или иначе с Санкт-Петербургом. Во-первых, некоторые из его книг были выпущены в Санкт-Петербургском отделении издательства «Наука» в серии «Слово о сущем». Он приезжал в северную

столицу по издательским делам, с публичными лекциями и докладами на философском факультете СПбГУ, обсуждал с питерскими коллегами проблемы перевода хайдеггеровских текстов, воспроизводил фрагменты лекций своих легендарных спецкурсов в МГУ и пр.

Когда В. В. Бибахин ушел из жизни в 2004 г., в Русской христианской гуманитарной академии прошло мемориальное мероприятие, посвященное его памяти, в результате которого в «Вестнике РХГА» вышла подборка статей, среди которых были мемуары о Владимире Вениаминовиче С. С. Неретиной и А. П. Огурцова, размышления о его философии А. Г. Погоняйло, А. А. Грякалова, Д. Ю. Дорофеева, автора этих строк и др. Одно из крупных памятных событий прошло в мае 2013 г. в формате международной конференции «Философское наследие В. В. Бибахина. К 75-летию со дня рождения», организованное А. В. Магуном на площадках Европейского университета и Факультета свободных наук и искусств СПбГУ. По итогам этого форума вышел номер журнала «Стасис» Европейского университета в Санкт-Петербурге, полностью посвященный творчеству В. В. Бибахина, с переводом части его книги «Лес» на английский язык, а также статьями московских и питерских философов на русском и английском языках.

Таким образом, в Санкт-Петербурге есть те, кто любит, ценит, читает тексты В. В. Бибахина, комментирует, пытается посылно развивать его идеи, применять его опыт лектора в собственной педагогической практике. Но также имеются, как и в других местах, те, кто относится к его философии с неприятием, что представляется определенной загадкой. Иначе говоря, есть те, кто захвачен мыслью, стилем и способом письма В. В. Бибахина, но также есть те, кто даже не переносит на дух его рассуждения, вплоть до идиосинкразии. Причем в спорах о нем не удастся переубедить и вызвать интерес у тех, кто не может оценить оригинальности его мысли, причина чему, вероятно, является иррациональной. Этот факт можно считать значимым в связи с особенностями философского образования. С моей точки зрения, знаменитые специальные курсы В. В. Бибахина на философском факультете МГУ в 90-е годы стали событиями в философской жизни постперестроечной России. По итогам этих курсов автор издал целую серию уникальных философских текстов. Кто-то отнесся к ним безучастно, но нашлись и те, кто с воодушевлением воспринимал слова и мысли В. В. Бибахина. Насколько его опыт мыслителя вслух воспроизводим в условиях преподавания современной философии?

В докладе А. В. Михайловского, ученика В. В. Биbihина, на Круглом столе в ИФ РАН о специфике построения биbihинских учебных курсов был поставлен вопрос о том, каково может быть восприятие В. В. Биbihина в будущем. Это был интересный поворот в оптике и интенциональности обсуждения, смена темпоральных ориентиров. В этом контексте мне вспомнился один из методических преподавательских приемов, к примеру, в курсе «Чтение философии», который, в частности, был посвящен разбору онтологии Парменида. В. В. Биbihин разработал список нетривиальных контрольных вопросов к данному курсу, которые совершенно не укладывались в стандарты казенных учебно-методических формулировок. Но зато они помогали рождению живой мысли. И именно это привлекало студентов.

Сквозным вопросом этого Круглого стола был вопрос о том, какие биbihинские темы являются актуальными и перспективными в системе философского образования. В добавлении к этому вопросу можно спросить и о критериях реализуемости соответствующих замыслов. На мой взгляд, сам В. В. Биbihин, исходя из собственного опыта, обозначил эти критерии. Прежде всего, это можно сформулировать в виде принципа единства мысли, слова и жизни. Это очень сильный принцип, истоки формулирования которого находятся еще в учении Платона и который очень сложно реализовать на практике. Дело здесь не в профессиональной квалификации дипломированного специалиста. По этому поводу есть ироническое мнение одного коллеги: если человек защитил кандидатскую диссертацию, то он наполовину утратил возможность быть философом; а уж если он докторскую защитил, то он точно поставил на себе крест и философом быть не может. По печальной иронии истории сам В. В. Биbihин был «всего лишь» кандидатом филологических наук. Да и Сократа бы не допустили ни к какой защите, поскольку у него не было ни одной публикации. Осталось только риторически спросить: по каким признакам можно аттестовать человека в качестве философа?

Вторым критерием, с моей точки зрения, реальной передачи философского знания от учителя к ученику является событийность общения между ними, результатом которого является рождение новой мысли. Здесь нужно осмыслить феномен события в том ключе, который обозначил М. Хайдеггер в концепте *das Ereignis*, что детально было истолковано у В. В. Биbihина. В своей статье «Захваченность событием», которую я опубликовал по следам конференции «Философское наследие В. В. Биbihина. К 75-летию со дня рождения», была предпринята попытка рассмотреть феномен события с двух сторон, как это было

представлено в концепции самого В. В. Бибихина. В этом отношении двуединство события заключается в том, что, с одной стороны, оно захватывает человека и одновременно захватывается им, а с другой стороны, В. В. Бибихин писал и о противоположном движении — о некой оставленности. Он это образно представлял в сравнении феномена мысли с птичкой, которая прилетает неизвестно откуда и садится нам на ладонь, чтобы мы ее внимательно рассмотрели. Человек — не владелец свободной мысли, он не может ее держать и не отпускать. Напротив, лишь на мгновение можно ее охватить (кон-цептуализировать, по лат.) и тут же отпустить на свободу, как вольную птичку. Пусть дух витает, где хочет. Диалектика захвата и отпускания относится не только к мысли, но и к миру как таковому. По моему мнению, это является методологической стратегией образования философских концептов у В. В. Бибихина.

В этом месте моего выступления сидевший рядом со мной С. С. Хоружий вставил реплику, в которой в подтверждение моих слов сказал о том, что ум должен уметь оставлять себя, обращаясь к вещам, имея при этом зацепку за них. То есть получился тот же мыслеобраз, но выраженный несколько по-другому. Слово С. С. Хоружего «зацепка» (аналог бибихинского «захвата») оказалось некоторой подсказкой к следующему повороту мысли. Это слово вывело на аналогию с понятием «цепная реакция» из языка математической физики. И это не случайно. По мнению М. Хайдеггера, первый атомный взрыв произошел в философии Парменида. В его учении случилась то ли контролируемая, то ли неконтролируемая цепная реакция мысли о бытии. Одновременно с этим выражение «цепная реакция» соотносится с понятием «цепь преемства» в историческом, культурно-генетическом смысле.

Обращаясь к С. С. Хоружему, я вспомнил о его давней статье «Арьергардный бой. Мысль и миф Алексея Лосева», где автор обозначил место и роль А. Ф. Лосева в цепи преемств русской философской традиции. Этой статье был предпослан эпитафия из стихотворения Осипа Мандельштама (Хоружий, 1992: 112–138):

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?

С. С. Хоружий именно так оценил значение А. Ф. Лосева для истории русской философии, ведь он действительно сохранил преемство от

Соловьева, Грубецких, Флоренского и др., сумев это передать одному из своих учеников — В. В. Бибахину. Такое философское образование, разумеется, не могло быть официальным в условиях катастрофического исторического разрыва. Но вместе с тем были и те, кто сумел своей кровной мыслью «склеить двух столетий позвонки». В. В. Бибахин воспринял этот импульс из прошлого и сумел передать его в будущее, оставив после себя учеников и последователей. Он оказался в эпицентре этого взрыва мысли, являющегося онтологическим событием русской философии, цепной реакции мышления, выражаясь метафорически, проходящей через представителей разных поколений. Мыслители, прошедшие эту школу, находятся не только в прошлом, но и в настоящем, а также в будущем. С точки зрения событийной онтологии времени события находятся во времени, а время охватывается единым Событием. В. В. Бибахин, как и другие перечисленные выше, относится к тому рангу философов, которые неотъемлемо присутствуют в этом Событии. А что будет в будущем?

Будущее реализуется через учеников, которых нужно умудриться обучить и воспитать. Для этого нужна философия образования. Однажды В. В. Бибахин высказался по поводу Платона следующим образом: с его точки зрения, Платон, возможно, находится не в прошлом, а в будущем. Этот временной парадокс разрешается в понятии события, которое вне-временно, или сверхвременно, или всегда своевременно. Платон просто событиен для философии. Можно рискнуть повторить эту мысль в адрес самого В. В. Бибахина, сказав, что он не только наше прошлое, хотя мы должны, конечно, помнить и бережно хранить его наследие, но не в качестве застывшего музейного экспоната. В. В. Бибахин — в будущем, для реализации которого нужно приложить определенные усилия.

Для этого необходимо подумать об организации дела мысли и прежде всего преподавания философии. Но здесь, увы, существует много тревожных и опасных моментов. Живая мысль — как философствовал В. В. Бибахин — в нынешних условиях катастрофически сокращается. В первую очередь это связано с технизацией философского процесса как в научно-исследовательской деятельности, так и в академической области, особенно когда техника приобрела уровень компьютеризации и цифровизации. Например, в СПбГУ сейчас курс по философии перевели на онлайн-обучение. Само преподавание и принятие зачетов и экзаменов перевели в автоматический режим посредством итогового формального тестирования. Живой работы со студентами, творчества, импровизации, экспромта уже нет. Ситуация стала опасной, но как

В. В. Бибихин вторил Гельдерлину и М. Хайдеггеру: там, где опасность, там и спасение. Может быть, и в такой дистанционной компьютерной форме ведения философского диалога появятся новые возможности. Но пока ситуация на самом деле неопределенная. И вместе с тем, если положение дел станет невыносимым на официальном уровне, то философия все равно будет всплывать, найдет для себя новые, неожиданные ходы, может, в других неакадемических местах и формах реализации. Главное, чтобы были соблюдены те критерии и принципы, о которых было сказано выше: соответствие мысли, слова и дела, а также их событийный характер. Это то, чему можно учиться у самого В. В. Бибихина.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕМЫ В ФИЛОСОФИИ В. В. БИБИХИНА: ПАРАДОКС И СМЕНА АСПЕКТА

Вначале следует оговорить значения ключевых слов, вынесенных в название этой части текста. Что такое парадокс и смена аспекта? У В. В. Бибихина тема смены аспекта рассмотрена соответственно в его книге «Витгенштейн: смена аспекта» (Бибихин, 2005). Возможно, он меньше употребляет слово «парадокс», хотя и оно встречается в важных местах его произведений. Достаточно указать на тему парадокса точки, который является в его понимании корневым, имплицитующим другие философские парадоксы, о чем автор писал в завершающей главе «Точка» в книге «Другое начало» (Бибихин, 2003: 397–429). Для В. В. Бибихина эти слова являются некими маркерами онтологии, существенными концептами именно в онтологическом дискурсе.

Обратим внимание на семантику и этимологию данных понятий. Парадокс — это греческое слово, состоящее из префикса пара и корня доха. На русский язык последняя морфема переводится как «мнение», хотя, возможно, это не единственное значение, здесь могли бы быть и другие варианты перевода. Приставка «пара-», казалось бы, служебная часть, тем не менее она несет свою существенную смысловую нагрузку. Пара — это многозначный префикс; словарь выделяет несколько его значений: при, около, возле, вопреки, против, некая альтернатива. Этот протоиндоевропейский префикс (корень) исходно означает то, что находится «перед», «в начале». Поэтому в слове «пара-докс» его приставку можно понять как то, что находится «перед мнением», некое пред(варительное)-мнение, или, лучше сказать, парадокс — это исходное отношение между мнениями, причем вплоть до отношения противоречия между ними.

Да и слово «мнение-докса» имеет массу значений. Изначально в древнегреческой философской традиции это слово значило просто индивидуальную самоочевидную видимость вещи, естественную изменчивость и ограниченность обычного субъективного взгляда на вещь, но именно оно ведь и является основой восприятия человеком реальности. При этом мнение, разумеется, противопоставляется знанию, с чего начинается онтологический дискурс в элейской школе. Согласно Ксенофану, учителю Парменида: истину знает один Бог, у человека во всем лишь мнение бывает. Человек мнителен по своей природе. Бог знает, человек мнит. И это жесткое различие, человек не может выйти за его рамки. Из данной онтогносеологической диспозиции Ксенофана исходит парменидовское различие двух путей, по которым человек движется к истине: путь знания и путь мнения. По пути мнения движутся смертные существа «о двух головах» (люди, априори имеющие обо всем как минимум два мнения, зачастую исключаящие друг друга вплоть до оппозиции «да — нет»).

Таким образом, мнение определялось, начиная с досократической традиции, в эпоху доксографов — описателей мнений — в качестве субъективного взгляда, или частной позиции. В гносеологии Платона докса находилась где-то между знанием и незнанием. Все вышесказанное в адрес греческой доксы можно отнести и к латинскому слову «аспект» — *aspectus* — вид, облик, взгляд, точка зрения. Аспект также означает ту видимую сторону (частичную и ограниченную) вещи, на которую направлен взгляд (частичный и ограниченный) человека. Аспект, таким образом, есть обращенный к зрителю вид вещи и одновременно обращение внимания зрителя на этот вид.

По этому поводу возникает образ события некоего спектакля (однокоренное с аспектом слово). Вещь находится в центре внимания зрителей-теоросов (зрелище по-гречески — теория), окружающих ее и созерцающих с трибун круглого стадиона. При этом вещь вращается вокруг своей оси, демонстрируя всю полноту самой себя. Этот динамический образ иллюстрирует тот факт, что каждое отдельное мнение ограничено, оно является знанием и незнанием одновременно. Знание же возникает тогда, когда происходит объединение всех аспектов. Вот для этого и необходима их смена, превращение друг в друга, что и определяет смысл парадокса. Платон это определял как задачу диалектики — высшей науки и метода разрешения противоречий, объединяющей различные точки зрения в общем диалоге.

Проведенный рабочий анализ данных понятий показывает, что парадокс и смена аспекта — это одно и то же. В работах В. В. Бибихина так и получается. Если рассматривать литературу по теме парадокса, то можно отметить, что она объемная, в ней выделяются различные типы парадоксов: логические, математические, физические, психологические, социальные и т. д. В большей степени проблемой парадокса занимаются в аналитической традиции, где пытаются дать энциклопедическое его определение, которое сводится к следующему: парадокс есть некое высказывание, которое противоположно общепринятому мнению, некий контринтуитивный факт. Соответственно, стратегия отношения к так определенному парадоксу в сциентистской, позитивистской традиции заключается в том, что парадокс понимается как некое субъективное состояние мысли, возможно, логическая ошибка по типу софизма. Ведь чем занимались софисты в свое время в социальной, коммуникативной и педагогической практике? Они пытались искусственно менять аспекты, переменяя мнения своих учеников о вещах, в том числе и в религиозном смысле; могли одинаково эффективно доказать, что нечто хорошо, а потом, что это плохо; нечто существует и, наоборот, не существует, вплоть до бытия Бога. Они играли в эту игру смены аспектов.

В. В. Бибихин обращал на это внимание, комментируя концепцию смены аспекта у Л. Витгенштейна, указывая на то, что мир многоаспектен, он меняет свои аспекты. Но сам человек не может субъективно, искусственно и произвольно их поменять. Человек может просто их созерцать, будучи зачарованным и захваченным событием многоаспектного, многообразного, парадоксального мира. Парадокс в этом смысле получается не субъективным, а объективным, а лучше сказать — онтологическим, включающим в себя в том числе и смену субъективного и объективного в едином целом. Это естественное отношение человека к миру.

Формально-логическое методологическое отношение к парадоксу заключается в том, что в случае его обнаружения необходимо выяснить, в чем субъект ранее допустил ошибку, приведшую к появлению парадоксального высказывания. Например, как это было в теории множеств Георга Кантора. Следует здесь заметить, что с логической точки зрения парадокс возникает в ситуации так называемой автореференции, то есть самосоотнесения. К примеру, когда говорится о том, что имеется множество множеств, то есть соотнесение множества с самим собой; в таком случае появление парадокса происходит фактически автоматически. А когда это с необходимостью случается, выдвигают предложение разрешать возникшие противоречия какой-нибудь теорией типов, как

в случае Б. Рассела, попытавшегося таким способом разрешить парадоксы теории множеств и так далее.

В таком подходе есть своя правота. Но о каких парадоксах так называемые аналитики ведут речь? У них, как правило, парадоксальность сводится к некоторой субъективности, а объективных парадоксов, дескать, не существует, сама реальность не парадоксальна. Парадоксально только наше мышление о реальности. В каком-то отношении с этим не поспоришь, однако, с другой стороны, кроме логических, физико-математических и др. парадоксов, коих уйма и которые интересные, вычурные, как головоломки, подобно апориям или антиномиям, существует и собственно философское понимание парадокса, отличающееся от конкретно-научных его трактовок. Здесь следует поставить вопрос об онтологическом, или метафизическом, парадоксе, который не сводится только к формальным и субъективным проявлениям парадоксальности. В данном случае речь может идти о парадоксе самого бытия или о смене его аспектов. Такой подход может показаться странным и удивительным. Это действительно так, ведь сама философия начинается с удивления.

Слово «странное» — одно из часто употребляемых в текстах В. В. Бибихина. В частности, в одной из дискуссий, выложенной недавно в Интернете, между ним и А. М. Пятигорским о соотношении слова и языка, полемическим мотивом у В. В. Бибихина было показать, что и мир, и язык, и слово — странные (Слово versus язык, 2001). И человек странный, и вообще всё странно. Ничто не может быть сведено к однозначному, следовательно, одностороннему определению. А что такое странность? Это то, что у каждой вещи есть свои стороны, которые, как в некоем калейдоскопе, постоянно меняются своими местами. Когда вещь поворачивается перед нами той или иной стороной, мы видим вещь в отдельных ее аспектах. Но поворачиваться может не только объективная вещь — наблюдающий ее зритель также может обращаться вокруг нее, и это другой аспект, субъективный, смены аспекта, выражаясь тавтологически, а значит, парадоксально. Возникающий в этом контексте онтологический вопрос заключается в следующем: можем ли мы, обходя со всех сторон вращающуюся перед нашим непрерывным взглядом вещь, постичь во всей этой совокупности бытие самой вещи?

Данный вопрос можно переформулировать в контексте идеи двух путей Парменида: есть прямой, аскетичный, строгий путь знания, непосредственно приводящий к чистому бытию как таковому, а есть путь мнения, зигзагообразный, изменчивый, конечный, преходящий, опосредованный, но тем не менее даже Парменид допускал, что последний

путь тоже может привести к истине, хотя и с большей суетой и лишними затратами. Мне представляется, что В. В. Бибихин также допускает возможность, что второй — кривой — путь может считаться дополнительным первому, прямому пути, не являясь гарантированным, но имея шанс привести к онтологической истине. То есть на пути мнения бытие тоже может быть открыто, и именно парадоксально. Парменидом запрещался только путь небытия. В терминологии М. Хайдеггера и то и другое различается как онтологическое и онтическое, бытие и сущее, т. е. в качестве онтологической дифференции.

В подтверждение этих идей можно привести некоторые цитаты из работ самого В. В. Бибихина. В частности, укажу на одну из оценок его учителя А. Ф. Лосева, который, как известно, был диалектиком. А диалектика исторически возникла как философский метод разрешения парадокса, противоречия. Если формальная логика запрещает противоречия (логицисты запрещают парадоксы, пытаюсь обнаружить в них формальные ошибки, следствием чего является отказ в существовании парадоксальной вещи), то диалектика их разрешает в обоих значениях этого слова: разрешить как решить математическую задачу, и разрешить в смысле позволить быть в реальности.

Согласно диалектике действительность есть саморазвивающийся феномен, а развитие невозможно без противоречия. Диалектическое противоречие — это источник самодвижения, естественного автомата, как высказался бы В. В. Бибихин этим аристотелевским понятием. Самодвижение также подразумевает самосоотнесение — автореференцию (Romanenko & Goncharko, 2016). В онтологии основной проблемой является отношение бытия с самим собой, его собственное самосоотнесение. В этом плане А. Ф. Лосев решал данную проблематику с диалектической точки зрения. С одной стороны, диалектика является рациональным методом. Однако, с моей точки зрения, диалектика — это та же логика, только инъецировавшая в себя нечто иррациональное. Само столкновение противоположностей, парадокс, встреча двух исключających друг друга мнений — это и есть иррациональность как таковая в средоточии рационального как такового. По этому поводу в языке имеется оксюморон: мудрое безумие. На эту тему у А. Ф. Лосева есть книга «Страсть к диалектике» (Лосев, 1990), в которой говорится о том, что диалектика есть не просто игра ума, а то, что вызывает страдание, *πάθος*. В. В. Бибихин комментирует эту лосевскую идею. Он подчеркивает, что для А. Ф. Лосева диалектика есть «бесстрашие перед парадоксом, антиномией, сшибка противоречий. В основе — противоречия. Бытие

такое, что разумом его не сгладить» (Бибихин, 2010: 260). Речь в данном случае идет о парадоксе единого или двуединого бытия самого по себе, единицы во двоице.

Обобщая имеющиеся в специальной литературе, насколько мне это удалось охватить, определения парадокса и сводя их в некотором фокусе в попытке дать определение онтологическому парадоксу, т. е. парадоксу бытия, я получил следующую формулировку (готов услышать по этому поводу любую сокрушительную критику в свой адрес). Определение кардинального онтологического парадокса: нечто существует именно потому, что оно не существует, и наоборот, нечто не существует именно потому, что оно существует. Мне не хотелось бы, чтобы это воспринималось как нарочитое нагнетание парадоксальности, но деваться некуда. В. В. Бибихин немного в других выражениях пишет нечто подобное: «Реальное предельно надежно благодаря тому, что его нет» (Бибихин, 2014: 75). В его парадоксальном комментарии «гегелевская диалектика позволяет увидеть в неразрешимости проблемы разрешение» (там же: 76), то есть разрешение состоит именно в неразрешимости. И именно такое состояние мысли выводит в онтологическое измерение. В некоторых других корреспондирующих текстах он неоднократно выражался подобным образом, утверждая, что есть вещи, которых нет, но которые могут быть и так, без существования. Можно даже радикальнее высказаться (я это услышал из уст одного логика, занимающегося разрешением парадокса лжеца): есть вещи, которых нет даже в небытии. Но они всё-таки есть, и именно по этой причине? Не является ли подобная формулировка диалектико-логическим способом выражения гегелевского отрицания отрицания или богословской диалектикой апофатики и катафатики?

Все вышесказанное относится к тому, что В. В. Бибихин воспринял от первого своего учителя — А. Ф. Лосева — и развил. У второго его учителя М. Хайдеггера, которого он переводил и вводил в отечественный интеллектуальный оборот, также был парадоксальный склад ума, причем не в гносеологическо-аналитическом смысле, а именно в онтологическом. Германский мыслитель тоже подходил к бытию как к парадоксу.

Кстати сказать, понятие парадокса имеет отношение не только к научным проблемам. Существуют еще и музыкальные парадоксы. Как пишут историки музыки, одно из употреблений этого слова в древности касалось музыкальной темы: парадоксами назывались виртуозные инструментальные исполнители мелодий.

У М. Хайдеггера парадоксальность бытия обнаруживается уже в исходном его определении, основывающемся на онтологической дифференции: бытие есть ничто из сущего. У Гегеля также бытие отождествлялось с небытием, хотя на иных основаниях и в другом формате. Но у обоих подобные выражения — это указания на философский парадокс, а не на логико-аналитический или научный. На метафорическом уровне эту парадоксальность бытия М. Хайдеггер выражает в таких оксюморонных оборотах речи, как сокрытая раскрытость или раскрытая сокрытость истины, алетейи. Или в загадке о некоей близкой дали, удаляясь от которой, мы приближаемся к ней, и наоборот, если совершается поворот (Kehre) от одного к другому. Такие обороты присущи письму М. Хайдеггера.

Таким образом, и Лосев, и Хайдеггер, и их ученик Бибахин, последователь и интерпретатор, в чем-то продвинувшийся дальше своих учителей, — все они действительно говорят о парадоксальности бытия. Но здесь встает вопрос: а дальше что? Как нужно относиться к этому факту? Каким образом нужно и можно ли разрешать или запрещать онтологический парадокс? Сама эта ситуация принципиально странная и удивительная. Как раз в упомянутой выше дискуссии с А. М. Пятигорским В. В. Бибахин указал на странность и разносторонность бытия, мышления и языка, которые образуют суть онтологии. Странное бытие странно осмысляется и странно высказывается. Трехединая онтологическая загадка. Повторюсь, слово «странный» — одно из часто употребляемых в текстах В. В. Бибахина. По моему мнению, самая странная и мистическая вещь из его сочинений — это книга «Лес» (Бибахин, 2011).

Исходя из вышесказанного, можно дерзнуть сделать еще один рискованный шаг в попытке осмыслить проблему парадоксальности (сменяемости аспекта). Для этого я бы предложил сместить акцент выражения или сменить аспект рассмотрения самого этого слова, обратив особое внимание на префикс «пара-» (смена), в котором подразумевается и слышится некое «вращение» (сдвиг, переход, поворот, в том числе в смысле хайдеггеровского Kehre). Дело даже заключается не в том, что есть разные мнения: положительное или отрицательное, за или против и т. д. Важно здесь то, что мнения по их природе настроены на вращение, пре-вращение, переход друг в друга, возможно, даже на генетическую мутацию. Именно это значение вращения вокруг и около является одним из ключевых в префиксе «пара-». Как в слове паразит — нахлебник. Можно даже рискнуть определить сущее в качестве нахлебника бытия: первое паразитирует (в хорошем биосферном смысле этого слова) на втором, являясь его микрофлорой и образуя симбиоз. Нечто

подобное описывал В. В. Бибихин в книге «Лес», касаясь феномена живой материи у Аристотеля.

Таким образом, парадокс исходно есть некое вращение или взаимопревращение мнений. Мнений может не быть вообще или их может быть бесконечное множество, но самое главное, что они переходят друг в друга, трансформируются вплоть до возникновения определенных циклов, цепей или серий. Если вращение задано в правильном направлении — оно нормально, если в неправильном — то это из-вращение, переход от добра ко злу, что необходимо исправить или откорректировать в самом моменте сдвига, «пара-». А у человека всегда потенциально уже дан полный набор взаимоисключающих мнений по поводу всякого явления в гносеологическом, этическом, логическом, эстетическом, психологическом, социальном и прочих смыслах. От смены мнений зависят смены настроений, что М. Хайдеггер и В. В. Бибихин считали изначальным онтологическим отношением человека к миру (Бибихин, 2007).

Когда вслушиваешься в слово пара-докс, где ударение поставлено не на корень, а на приставку, в воображении возникает странный мерцающий образ самого бытия (?), находящегося в центре, который везде, а периферия нигде, как представляли это еще средневековые диалектики. Бытие находится в вездесущем центре, но оно экранировано от человека вот этим вращающимся ореолом множественных мнений, будучи от-странено от него своими аспектами, коими являются многообразные сущие. Может ли человеческий взгляд проникнуть через эту вращающуюся отзеркаливающую оболочку мнений к самому единому неподвижному бытию, которое, согласно интуиции Парменида, является сферой?

В. В. Бибихин на этот вопрос отвечает, что нужно оставить мир таким, какой он есть, как он случился для нас. Человек может только амеханически, т. е. не приводя в действие искусственные механизмы интуирования, быть брошенным (по Хайдеггеру) в этот выпавший (по Витгенштейну) мир. И тогда у человека остается шанс, даже идя по пути мнения, выйти на встречу с бытием. Как бы это парадоксально ни представлялось. То есть, идя по пути мнения, будь готов встретиться с парадоксом, и неважно — запрещая его или разрешая. Мне кажется, что В. В. Бибихин подводил именно к этой мысли, вернее, некоторому мыслеобразу, который пребывает в начале. Таково же может быть и наше отношение к философскому наследию В. В. Бибихина, пронизанному парадоксами в указанном смысле этого слова.

В своем докладе на данной конференции М. А. Богатов задался вопросом: что мы можем сказать нового, следуя за мыслью В. В. Бибихина, не впадая в простое подражательство? Как я думаю, пытаюсь ответить на последний вопрос, подражать мы все равно должны до определенной степени такому гению философии. У него, во всяком случае, уже сложилось собственное философское выстраданное мнение, а мы даже мнить толком не научились, не говоря уже о том, чтобы мыслить и знать. И вот в этом мгновении как раз и возникает парадокс: чем точнее и строже мы повторим мысль В. В. Бибихина, тем больший будет шанс, как ни странно, что нам удастся сказать новое слово, свое собственное и оригинальное. Вот тогда это и можно будет назвать событием мысли, мыслящей бытие. Поэтому я не ставил себе задачу в этом тексте дать оригинальный комментарий и интерпретацию.

Заключительный вывод в попытке ответа на вопрос, в чем все-таки заключается парадоксальность бытия. Так ведь подобные выводы — сами по себе парадоксальные — уже имеются в истории философии, нужно только вслушаться в них. Они проявились в известных исторических спорах о бытии: оно универсальное или уникальное, трансцендентное или имманентное? Попытки прийти к единому мнению приводили к тому, что мнения переходили друг в друга. Спор о бытии продолжается. И дело здесь не в крайности исключаящих друг друга мнений, фиксирующих разные характеристики или атрибуты бытия. Бытие и универсально, и уникально; и трансцендентно, и имманентно etc. Философии приходится сталкиваться с такой странностью, что бытие есть универсальная уникальность и, *vice versa*, уникальная универсальность; трансцендентная имманентность и, *vice versa*, имманентная трансцендентность. Именно об этой странности и писал В. В. Бибихин, а я просто своими словами попытался передать то, что, кажется, понял, стремясь повторить буквально его мнение.

В. В. БИБИХИН И С. С. ХОРУЖИЙ: ДРУЖБА В ПОЕДИНКЕ

Автор этих строк осознает всю рискованность заявленной в заголовке темы. Возможно ли обращение к такому сюжету и что может быть его основанием? Для реализации подобного замысла необходима определенная решимость и потребность поделиться некоторыми воспоминаниями и уроками, которые были извлечены из общения с В. В. Бибихиным и С. С. Хоружим и чтения их книг. Такая инициатива подразумевает

и адекватный аналитический разбор их учений, и возможный дискуссионный заряд. Событийность философской мысли В. В. Бибикина проявилась в его творчестве не только в текстах и лекциях, но и в общении, прежде всего полемическом, с коллегами, учениками и друзьями и, наверное, врагами, коих у талантливых людей по разным причинам всегда бывает достаточно. Одним из таких близких собеседников был С. С. Хоружий, с которым его связывала длительная дружба и продуктивное сотворчество. Любая встреча человека с человеком, дружественная или враждебная, является событием. В. В. Бибикин внес серьезный вклад в развитие так называемой событийной онтологии, истолковывая Ereignis-ontologie позднего М. Хайдеггера (Романенко, Лебедев, 2015).

Вначале хотелось бы отрефлексировать само это парадоксальное выражение «дружба в поединке». Обращение к факту общения между выдающимися мыслителями нашего времени, свидетелями и современниками которых нам посчастливилось быть, накладывает определенную ответственность. Я думаю, что многие согласятся (хотя и не все), что В. В. Бибикин и С. С. Хоружий были одними из последних гениев русской философии и культуры в целом в последней трети XX века и вплоть до настоящего дня, и вместе с тем они оставили задание новым поколениям на будущее. Гений здесь понимается в широком и исходном значении этого слова. Гений — это тот, кто создает нечто новое, рождает оригинальную мысль, является ангелом-хранителем традиции, указывая перспективы и направления развития. О каждом из них говорить сложно, но еще сложнее осмыслить их взаимоотношение, рассматривая его в двойной перспективе. Каждый из них является неизвестной величиной, а здесь еще нужно вывести некое уравнение с двумя неизвестными. Поэтому я уже заранее смирился с фиаско собственной непрошенной инициативы, но тем не менее сделаю попытку объять необъятное.

По поводу гениев у французских поэтов-символистов была поговорка: гении толпой не ходят. Есть еще одна: гениальные поэты рождаются в провинции, а умирают в Париже. Вероятно, гении, по сути, должны быть одиночками, хотя вокруг них всегда кружится рой почитателей и злопыхателей. Поэтому дружба между гениями воспринимается как некий парадокс. Хотя сама история изобилует такими странными случаями. Дружба и поединок — ёмкие слова, в них меняются аспекты значений, и в одних ситуациях они исключают друг друга, а в других — с необходимостью предполагают. Все зависит от исторического и биографического контекстов. Слово «поединок» имеет различные

коннотации. Некоторые московские коллеги кулуарно называли отношение между В. В. Бибихиным и С. С. Хоружим интеллектуальным спарринг-партнерством.

Вероятно, такая спортивная метафора здесь также уместна. Однако следует уточнить, что спарринг — это тренировочный бой, необходимый для подготовки спортсмена к решающей битве с серьезным соперником или врагом. Но полемические отношения между В. В. Бибихиным и С. С. Хоружим, надо полагать, не были тренировочными, это был реальный поединок самобытных мыслителей здесь и сейчас, растянувшийся на протяжении всего их дружеского общения. Это поединок не на разъединение, а, напротив, на объединение. По-единок не в негативном, а в позитивном смысле — это способ постижения и достижения единства, которое само по себе является парадоксальным понятием, как свидетельствует об этом диалектика единого в платонической традиции.

В моем докладе на Первых Бибихинских чтениях (см. выше), я попытался осмыслить парадоксальную природу философской мысли В. В. Бибихина, в этой же части своих рассуждений сознательно сделал попытку спроецировать эту идею на его диалог с С. С. Хоружим. Тот мой доклад в 2019 г. Сергей Сергеевич внимательно слушал, сидя в первом ряду в читальном зале Бежецкой районной библиотеки имени В. Я. Шишкова. С его стороны никаких возражений и отрицательных покачиваний головой не было, как я заметил, обращая внимание на зрительный зал и встречаясь с ним взглядом. После выступления докладчиков, когда участники кулуарно обсуждали прозвучавшие идеи, я спросил у С. С. Хоружего, насколько мои рассуждения о парадоксе адекватны философии В. В. Бибихина, а также можно ли мою трактовку парадокса применить к его (Хоружего) известной концепции синергии. На вопрос «Парадоксальна ли синергия?» Сергей Сергеевич с улыбкой ответил, что, да, синергия парадоксальна (в оговоренном мною значении), однако это не главная ее характеристика. Для меня были крайне важны эти признание, поддержка и согласие. Вторые Бибихинские чтения в 2020 г. стали данью памяти двух выдающихся русских философов и уважения к ним; они заслуживают право быть связующими звеньями традиции, которая исторически поддерживается благодаря какой-то энергии. Вот эта энергия очень чувствуется в общении с такими людьми, в чтении их сочинений и в участии в полемическом обсуждении с другими их вклада в общее дело мысли.

После всех этих подготовительных слов об основаниях темы необходимо поставить вопрос о том, кто имеет право давать оценочные суждения

о мистической по сути проблеме дружбы, тем более — включающей в себя аспект потенциального раздора. Если отдельная душа — потемки, то что уж говорить о двоице. Существует ли в философии концепция дружбы? На самом деле в истории философии, и в литературе, и в культуре в целом имеется достаточно много материала, трактовок и подходов к феномену дружбы. Я попытаюсь взять в качестве основы для осмысления этого явления философский и религиозно-богословский подход П. А. Флоренского, учение которого В. В. Биbihин и С. С. Хоружий прекрасно знали: они принимали и одновременно критиковали его идеи.

В книге «Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах», написанной в жанре «писем другу», П. А. Флоренский обращается к феномену дружбы в одиннадцатом письме, так и названном — «Дружба», которая, по определению автора, считается онтологическим понятием, имеющим отношение к истине и являющимся ее проявлением. При этом П. А. Флоренский указывает если не на парадоксальный, то, во всяком случае, антиномический характер дружбы. В самом начале этого письма он обращается к далекому Другу и Брату. Одно из его определений (Флоренский, 1989: 439):

Дружба — это видение себя глазами другого, но пред лицом третьего, и именно Третьего. Я, отражаясь в друге, в его Я признает свое другое Я. Тут естественно возникает образ зеркала, и он вот уже много веков стучится за порогом сознания.

Подобное отношение к дружбе проявляется и у В. В. Биbihина в переписке с С. С. Хоружим, выложенной на сайте <http://bibikhin.ru> (Биbihин, 1978–1995), который ведет О. Е. Лебедева. На нём есть также фрагменты переписки с А. В. Ахутиным (Биbihин, 1978–1980); известна и его переписка с О. А. Седаковой (Биbihин, Седакова, 2019); с ними его связывали дружба и сотворчество. Кроме этого, обращают на себя внимание мемуары В. В. Биbihина о С. С. Аверинцеве и А. Ф. Лосеве (Биbihин, 2004). Со всеми этими современниками у него были близкая духовная связь и взаимные творческие влияния.

П. А. Флоренский в своем труде подчеркивает, что дружба является некой «общинной молекулой» (Флоренский, 1989: 419):

Предел дробления — не человеческий атом, от себя и из себя относящийся к общине, но общинная молекула, пара друзей, являющаяся началом действий, подобно тому как такую молекулою языческой общины была семья. Это — новая антиномия, — антиномия личности-двоицы. С одной стороны, отдельная личность — все; но, с другой, она — нечто лишь там, где — «двое или трое».

Далее П. А. Флоренский пишет: «Духовная жизнь личности неотделима от предварительного ее общения с другими...» (Флоренский, 1989: 419) — а отношение с другими и есть дружба как таковая со знаком плюс. Однако вместе с тем такое определение имплицитно предполагает, что в каждой дружбе есть некая острота, вплоть до потенциальной вражды или, во всяком случае, испытанию на ненависть. Именно это П. А. Флоренский называл антиномизмом дружбы. Но настоящие друзья должны вытерпеть данное испытание. Вот это и можно назвать поединком — поединком за дружбу, который, возможно, является непрекращающимся состоянием и способом взаимодействия. П. А. Флоренский описывает этот амбивалентный аспект дружбы через призму гегелевской триады «тезис — антитезис — синтез».

В переписке с конца 70-х годов В. В. Библихина с С. С. Хоружим, равно как и с А. В. Ахутиным, эти странные моменты дружбы проявляются. Также это можно встретить и в отношении В. В. Библихина с С. С. Аверинцевым в упомянутых выше его мемуарах, где уже в самом начале, сразу после воспоминаний об А. Ф. Лосеве, автор признается, практически повторяя вышеприведенное определение дружбы у П. А. Флоренского, что его записи об этих близких людях

созданы захваченностью перед лицом удивительных явлений, в конечном счете явлений Бога через человека, и уверенностью, что в нашей жизни надо следовать за звездами (Библихин, 2004: 305).

Вероятно, в дружеских отношениях В. В. Библихина и С. С. Аверинцева ведущим был последний, поскольку он по времени раньше проявил свой творческий потенциал, его звезда раньше вспыхнула на небосклоне русской культуры. Но сейчас, по прохождении времени, в моем представлении эти фигуры, действительно звезды, являются равномошными. Из откровенных воспоминаний В. В. Библихина можно понять, хотя это понимание очень странное, что для него С. С. Аверинцев был тем, через кого ему являлся сам Господь Бог. Это очень откровенное признание, имеющее отношение, как отмечал сам автор, к духовной жизни. В. В. Библихин подчеркивал событийный характер встреч с С. С. Аверинцевым: «Не бывало, чтобы где-то был Аверинцев и это был не праздник или событие» (там же). И здесь также вспоминается хайдеггеровское *das Ereignis*.

И вместе с тем было и что-то острое во взаимоотношениях В. В. Библихина с С. С. Аверинцевым. Автор воспоминаний сумел описать духовно

очень тонкий случай в истории их дружбы, в какой-то момент почувствовав, что он проявляет некую навязчивость по отношению к другу. И последний в качестве реакции поставил определенную защиту, создав дистанцию к своему визави. Наверное, каждый из нас, исходя из опыта собственной дружбы, обнаруживал подобные странные моменты. В дружбе случаются такие проявления ревности, о чем также писал П. А. Флоренский в «Столше», где после письма о дружбе шло завершающее двенадцатое письмо под названием «Ревность». Друзья ревниво относятся друг к другу, а тем более ревностно по отношению к тому Третьему, ради Кого они стали дружить.

В другом месте своих воспоминаний В. В. Биbihин подчеркивал, что С. С. Аверинцев был свободолобивым и не терпел, когда нарушалась его граница. Он писал (Биbihин, 2004: 371):

Липкого, цепкого в друзьях он не переносит, и никогда не забуду, когда в храме, года два назад, после службы я сделал как бы шаг к нему, выходящему к дверям уже, и как он увидел в этом жест обволакивания, своенравно и чуть ли не злобно скользнул мимо... Сейчас он, кажется, перестал от меня бояться несвободы.

Странные и удивительные наблюдения! Еще один пример дружбы-поединка, в который входит помимо всего прочего и борьба против эгоистического доминирования и манипулирования, попытки захвата и отцепливания от захвата, как это и случается физически в спортивной борьбе.

В отношениях В. В. Биbihина с С. С. Хоружим также обнаруживаются подобные явления как в переписке, пересказах свидетелей, так и в их текстах, адресованных друг другу. Основной спор между ними проявился по поводу трактовки категории энергии. Эта проблема в последнее время неоднократно обсуждалась, здесь можно указать на некоторые ключевые моменты. Их дискуссия оказалась продолжением так называемых паламитских споров, ведущихся с конца византийского Средневековья и определивших традицию православного энергетизма. По этому философско-богословскому сюжету у них возникли разногласия, как метафорически выражался С. С. Хоружий, в форме контрапункта.

Возможно, эти разногласия связаны с типом мышления у обоих философов вплоть до разности работы и функциональной асимметрии полушарий головного мозга, ответственных за принципиально разные способы постижения действительности. С. С. Хоружий пришел в философию из школы строгой математической физики, а В. В. Биbihин,

как профессиональный филолог, исходил из гуманитарной методологии. Эта полемика началась в контексте известного спора среди советской интеллигенции между физиками и лириками. Хотя сейчас нет возможности подтвердить или опровергнуть данную гипотезу. В. В. Бибихин оценивал хоружевскую позицию в проблеме энергии как излишне категорическую, указывая, будучи переводчиком «Триад в защиту священнобезмолствующих», что их автор св. Григорий Палама допускает множество толкований (письмо от 22.2.1978). Критический анализ позиции С. С. Хоружего он сделал в книге «Энергия». В свою очередь последний упрекал оппонента в том, что тот редуцировал трактовку энергии к аристотелевской точке зрения и тем самым (sic!) отошел от ортодоксального христианского понимания. Были у них также споры и по поводу интерпретации хайдеггеровской онтологии.

Важное признание С. С. Хоружего в отношении к своему покойному другу делается в его статье «Бибихин, Хайдеггер, Палама о проблеме энергии», опубликованной в журнале «Стасис» (№ 1, 2015), полностью посвященном творчеству В. В. Бибихина (Хоружий, 2015). Сама эта статья была записью его доклада на конференции памяти В. В. Бибихина в 2013 г. в Санкт-Петербурге. Категория энергии оказалась причиной раздора, или камнем преткновения, во взаимоотношениях обоих мыслителей как в философском, так и в богословском смысле. Здесь проявилось основное духовное измерение в их дружбе-поединке — энергийное. Об этом также размышлял на Вторых Бибихинских чтениях в Бежецке после моего выступления и А. В. Ахутин в своем докладе на тему «Энергия у В. В. Бибихина и С. С. Хоружего» в онлайн-режиме. Нужно отметить, что В. В. Бибихин, С. С. Хоружий и А. В. Ахутин были связаны близкими личными взаимоотношениями и важными профессиональными делами, и можно сказать, что это была своеобразная дружеская троица.

В выступлении в программе Zoom Анатолия Валериановича Ахутина говорилось о том, что энергийная полемика между друзьями — это специфика философской мысли, допускающая в том числе ревность. Само противоборство есть способ существования мысли. Имеется и парадокс энергии общения. Он вспоминал, что при встречах с В. В. Бибихиным и С. С. Хоружим он попадал в какое-то энергетическое поле. Аристотелевская энергия покоя, на которой делал акцент В. В. Бибихин и против которой выступал С. С. Хоружий, по мнению А. В. Ахутина, — это не метафора или парадокс, а сама реальность. После его выступления я высказал комментарий и задал вопрос. Я привел цитаты из его переписки

с В. В. Бибихиным сороколетней давности (20.01.1979), в которой он указывал на парадоксальный характер энергии (Бибихин, 1978–1980):

Парадокс, иными словами, состоит в том, что только через самостоятельное действие человека может прийти в нём в действие та самая энергия, которая питает его собственное самостоятельное действие. Только человек сам может дать место действия тому, что изначально уже дало и дает место действия человеку. Вот так описал бы я место возможного пересечения наших плоскостей, возможного согласия нашего разногласия.

Еще одна характерная цитата из данной переписки, где обнаруживается полемическая природа философской дружбы: «Отношение к государству, которое Вы описали, столь отличается от моего, что я долго носился в пыли полемики на необузданной патетической лошадке» (там же). Прежде всего, переписка обращает внимание на то, что если у В. В. Бибихина и С. С. Хоружего коренной спор велся в области богословия, то он полемизировал с А. В. Ахутиным по поводу природы государства. Как я могу понять, первый был этатистом, пытаюсь онтологически, исторически и теологически оправдать государство, а второй — антиэтатистом, вплоть до утверждения несовместимости государства и свободной мысли. Я спросил у Анатолия Валериановича, была ли его дружба с Владимиром Вениаминовичем дружбой в поединке и осталась ли какая-то непримиримость в их позициях. На это А. В. Ахутин ответил, что осталось чувство недоговоренности: «Не доспорили». Дружба с Владимиром Вениаминовичем и Сергеем Сергеевичем была для Анатолия Валериановича незаслуженным даром, по его личному признанию. Все они подчеркивали принципиальность понятия события. Верная дружба, несмотря на разногласия, — это единое событие человеческой жизни. Дружба в поединке имеет синергический эффект, проявляющийся в многократном увеличении общего творческого потенциала.

В своей статье об энергии С. С. Хоружий достаточно критически, даже резко, оценивал позицию В. В. Бибихина по поводу этой категории. Здесь между ними было жесткое противостояние. Об этом полемическом накале Сергей Сергеевич говорил и ранее, вспоминая, как они вживую «спорили до крика». А из выложенной в Интернете переписки видно, что они и по телефону разговаривали на повышенных тонах, ведя свой философский спор, который их общий друг А. В. Ахутин по праву мог бы назвать «Тяжкой о бытии» — это название одной из его книг (Ахутин, 2015). Также они обменивались резкой критикой на полях

своих рукописей, которыми они делились, сообщая обдумывая существенные философские и мировоззренческие проблемы. И тем не менее чем острее была эта полемика, тем крепче была их дружба, исторически засвидетельствованная, как бы это парадоксально ни звучало.

В конце своей статьи С. С. Хоружий делает такое признание об ушедшем друге, предупреждая (Хоружий, 2015: 109):

...эта статья — не академический текст, скорее род «духовного упражнения», совмещение несовместимых заданий, — то есть парадокс, и далее он продолжает: — Я — друг его. Которому выпало прожить сколько-то после него, и мне всегда ощущалось, что мы должны жить за наших ушедших, их представлять на земле, дабы через нас, в нас продолжилось бы их присутствие. «Теперь он сам уж не может, должен я за него», — за него *быть здесь*.

Но я еще и философ, всегда бывший не только его собеседником, но и оппонентом, и в этом тексте именно философом я обязан быть.

Странно все это.

Не знаю, что получилось.

Получилась странная, парадоксальная дружба в поединке, за что мы можем быть только благодарны им. И эти итоговые слова С. С. Хоружего говорят больше, чем наши гипотезы, оценки, реконструкции и т. д.

Приведу еще один важный аспект онтологической аналитики дружбы у П. А. Флоренского, который отметил, что христианские апостолы посылались Спасителем нести благую весть попарно, то есть как пара друзей, «общинная молекула». Почему так произошло? П. А. Флоренский поясняет, ссылаясь на Писание и Предание, что апостольская миссия могла осуществляться только друзьями, ибо только их паре дается сила власти над бесами. Что является здесь основанием? По-видимому, друзья могут преодолеть зло лишь в том случае, если они победят бесовщину в отношениях друг с другом. Только таким образом может освятиться дружба. П. А. Флоренский пишет (Флоренский, 1989: 419–420):

Призвав «двенадцать» учеников, Господь посылает их на проповедь по два, — καὶ ἦρξάτο αὐτοὺς ἀποστέλλειν δύο δύο — причем это отправление по два ставится в связь с дарованием власти над нечистыми духами, т. е. харизмы, — первее всего, — целомудрия и девственности: «и призывает их — и начал посылать по два, — и дал им власть над духами нечистыми...» (Мк. 6:7).

Подводя итог всему сказанному, я думаю, в нашей отечественной философии за последние 50 лет В. В. Библихин и С. С. Хоружий были парой философов, призванной поднять и осветить принципиальную

и фундаментальную онтологическую, философскую и одновременно богословскую проблему энергии. До сих пор, уже после ухода В. В. Бибихина и С. С. Хоружего, нельзя сказать, что эта проблема решена. Она относится к разряду вечных, проклятых и одновременно освященных философских проблем. Но можно сказать, что они сумели ее поставить и обнаружить ее основания, нацелившись на нее и найдя в месте перекрестья собственных аргументов и контраргументов. Они вплотную подошли к парадоксу энергии, то есть парадоксу бытия. А как заметил М. Хайдеггер, первый атомный взрыв произошел в философии Парменида, которую можно назвать метафизикой высоких энергий. «Невыносимая легкость бытия», как парадоксально назвал свой известный роман Милан Кундера.

Осталось завершить этот текст последними вопросами. Как же может разрешиться парадоксальность дружбы в поединке? Возможно, идеальное разрешение парадокса — это отказ от своего мнения (доксы) и принятие мнения оппонента? В контексте динамического взаимобращения между ними? Не являются ли скрытыми синонимами слова «со-бытие», «пара-докс» и «син-ергия»? Из известной поговорки «понять — значит простить» можно ли вывести обобщенное следствие: взаимопонимание — обоюдное прощение? Кто может быть победителем в таком дружественном поединке? Здесь мы уже переходим от одного парадокса к другому, который высказал поэт Борис Пастернак:

Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахутин А. В. Тяжба о бытии. — М. : Директ-Медиа, 2015.
- Бибихин В. В. Из переписки В. В. Бибихина с А. В. Ахутиным (1978–1980 гг.) / Владимир Бибихин. — 1978–1980. — URL: http://bibikhin.ru/iz_perepisky_bibikhina_s_akhutina (дата обр. 13 янв. 2021).
- Бибихин В. В. Письма к С. С. Хоружему / Владимир Бибихин. — 1978–1995. — URL: http://bibikhin.ru/pisma_k_sergeyu_horuzhemu (дата обр. 13 янв. 2021).
- Бибихин В. В. Другое начало. — СПб. : Наука, 2003. — (Слово о сущем ; 47).
- Бибихин В. В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004.
- Бибихин В. В. Витгенштейн: смена аспекта. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
- Бибихин В. В. Мир. — СПб. : Наука, 2007. — (Слово о сущем ; 77).

- Бибихин В. В.* Энергия / сост. О. Е. Лебедевой ; примеч. О. Е. Лебедевой. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.
- Бибихин В. В.* Лес / сост. О. Е. Лебедевой. — СПб. : Наука, 2011. — (Слово о сущем ; 92).
- Бибихин В. В.* История современной философии : единство философской мысли. — СПб. : Владимир Даль, 2014. — (Слово о сущем ; 106).
- Бибихин В. В., Пятигорский А. М.* Слово versus язык. Пятигорский versus Бибихин / Rigas Laiks. — 2001. — URL: <https://www.rigaslaiks.ru/zhurnal/pyatigorskiy/clovo-versus-yazyk-pyatigorskiy-versus-bibihin-19986> (дата обр. 13 янв. 2021).
- Бибихин В. В., Седакова О. А.* И слово слову отвечает. Владимир Бибихин — Ольга Седакова. Письма 1992–2004 / под ред. М. А. Криммель. — СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2019.
- Вторые Бибихинские чтения. — 2020. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gcP50eDTJ2E> (дата обр. 13 янв. 2021).
- Круглый стол к 80-летию В. В. Бибихина. — 2018. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CbGXmWePzeA> (дата обр. 13 янв. 2021).
- Лосев А. Ф.* Страсть к диалектике. — М. : Советский писатель, 1990.
- Первые Бибихинские чтения. — 2019. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jIZdvSXiAgc> (дата обр. 13 янв. 2021).
- Романенко Ю. М., Лебедев С. П.* Актуальность событийной онтологии // Общество : философия, история, культура. — 2015. — № 6. — С. 10–12.
- Флоренский П. А.* Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. — Париж : YMCA-Press, 1989.
- Хоружий С. С.* Арьергардный бой. Мысль и миф А. Лосева // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 112–138.
- Хоружий С. С.* Бибихин, Хайдеггер, Палама о проблеме энергии // Стасис. — 2015. — № 1. — С. 82–109.
- Romanenko Y. M., Goncharko O. Y.* A Brief History of Self-Reference Notion Implementation in Byzantium. Did the Byzantine Theologians and Scholars Formulate Russell's Paradox? // Scrinium. — 2016. — Vol. 12, no. 1. — P. 244–260.

Romanenko, Yu. M. 2021. "Sobytiynnyy kharakter filosofskoy mysli V. Bibikhina [The Eventful Character of Bibikhin's Philosophical Thought]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (1), 78–104.

YURIY ROMANENKO

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, PROFESSOR

HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY OF RUSSIA (SAINT PETERSBURG, RUSSIA);

ORCID: 0000-0001-9637-2172

THE EVENTFUL CHARACTER OF BIBIKHIN'S PHILOSOPHICAL THOUGHT

Submitted: Jan. 20, 2021. Reviewed: Feb. 10, 2021. Accepted: Feb. 12, 2021.

Abstract: The article deals with the event-related aspects of V. V. Bibikhin's philosophical activities on the material of his lectures, texts and communication with contemporaries (S. S. Horuzhy, S. S. Averintsev and A. V. Akhutin). The eventfulness of the transfer of knowledge from teacher to student, as well as the unity of thought, word and life are the principles of teaching philosophy derived from the pedagogical experience of V. V. Bibikhin. He was a follower of A. F. Losev and M. Heidegger focusing his thoughts on clarifying ontological problems. Ontological thought is paradoxical in its own nature. This is revealed in the reading and interpretation of Bibikhin's writings, as well as in the evidence of his polemical communication with colleagues. One of the brightest ontological disputes of recent times is the discussion of V. V. Bibikhin and S. S. Horuzhy about the concept of energy which is an essential ontological category. These prominent Russian thinkers had a long-term friendship that included an element of intellectual rivalry. The author calls such communication "friendship in struggle" which has a paradoxical character. The philosophical definition of friendship presented in the book "The Pillar and Statement of Truth" by P. A. Florensky which has an antinomic character is used in the text. The paradoxical event and the polemic nature of V. V. Bibikhin's thought manifests itself in his works and correspondence with friends. The article provides illustrative examples of these moments of his intellectual creativity. V. V. Bibikhin is one of those thinkers who preserve the Russian philosophical tradition in the context of its disputes with other national traditions.

Keywords: Vladimir Bibikhin, Sergei Horuzhy, Event, Dialogue, Ontology, Paradox, Philosophical Education.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-78-104.

REFERENCES

- Akhutin, A. V. 2015. *Tyazhba o bytii [Struggle about Being]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Direkt-Media.
- Bibikhin, V. V. 1978–1980. "Iz perepiski V. V. Bibikhina s A. V. Akhutiny (1978–1980 gg.) [From the Correspondence of V. V. Bibikhin with A. V. Akhutin (1978–1980)]" [in Russian]. Vladimir Bibikhin. Accessed Jan. 13, 2021. http://bibikhin.ru/iz_perepisky_bibikhina_s_akhutina.
- . 1978–1995. "Pis'ma k S. S. Khoruzhemu [Letters to S. S. Khoruzhiy]" [in Russian]. Vladimir Bibikhin. Accessed Jan. 13, 2021. http://bibikhin.ru/pisma_k_sergeyu_khoruzhemu.
- . 2003. *Drugoye nachalo [Another Beginning]* [in Russian]. Slovo o sushchem 47. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.

- . 2004. *Aleksey Fedorovich Losev. Sergey Sergeevich Averintsev* [A. Losev. S. Averintsev] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- . 2005. *Vitgenshteyn: smena aspekta* [Wittgenstein: Aspect Shift] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- . 2007. *Mir* [The World] [in Russian]. Slovo o sushchem 77. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2010. *Energiya* [The Energy] [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Annot. by O. Ye. Lebedeva. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- . 2011. *Les* [The Wood] [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Slovo o sushchem 92. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2014. *Istoriya sovremennoy filosofii* [The History of Modern Philosophy]: yedinstvo filosofskoy mysli [The Uniformity of Philosophical Thought] [in Russian]. Slovo o sushchem 106. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- Bibikhin, V. V., and A. M. Pyatigorskiy. 2001. "Clavo versus yazyk. Pyatigorskiy versus Bibikhin [Word versus Language. Piatigorsky versus Bibikhin]" [in Russian]. Rigas Laiks. Accessed Jan. 13, 2021. <https://www.rigaslaiks.ru/zhurnal/pyatigorskiy/clavo-versus-ya-zyk-pyatigorskiy-versus-bibihin-19986>.
- Bibikhin, V. V., and O. A. Sedakova. 2019. *I slovo slovu otvechayet. Vladimir Bibikhin — Ol'ga Sedakova. Pis'ma 1992–2004* [And the Word Answers the Word. Vladimir Bibikhin — Olga Sedakova. Letters 1992–2004] [in Russian]. Ed. by M. A. Krimmel'. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo Ivana Limbakhha.
- Florenskiy, P. A. 1989. *Stolp i utverzhdeniye Istiny. Opyt pravoslavnoy teoditsei v dvendatsati pis'makh* [Pillar and Statement of Truth. The Experience of Orthodox Theodicy in Twelve Letters] [in Russian]. Parizh: YMCA-Press.
- Khoruzhiy, S. S. 1992. "Ar'yergardnyy boy. Mysl' i mif A. Loseva [Rearguard Battle. Thought and Myth of A. Losev]" [in Russian]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], no. 10: 112–138.
- . 2015. "Bibikhin, Khaydegger, Palama o probleme energii [Bibikhin, Heidegger, Palamas on the Problem of Energy]" [in Russian]. *Stasis*, no. 1: 82–109.
- "Kruglyy stol k 80-letiyu V. V. Bibikhina [Round Table Meeting Dedicated to the 80th Anniversary of V. V. Bibikhin]" [in Russian]. 2018. Accessed Jan. 13, 2021. <https://www.youtube.com/watch?v=CbGXmWePzeA>.
- Losev, A. F. 1990. *Strast' k dialektike* [Passion for Dialectics] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Sovet-skiy pisatel'.
- "Pervyye Bibikhinskiye chteniya [First Bibikhin Readings]" [in Russian]. 2019. Accessed Jan. 13, 2021. <https://www.youtube.com/watch?v=jIZdvSXiAgc>.
- Romanenko, Yu. M., and O. Yu. Goncharko. 2016. "A Brief History of Self-Reference Notion Implementation in Byzantium. Did the Byzantine Theologians and Scholars Formulate Russell's Paradox?" *Scrinium* 12 (1): 244–260.
- Romanenko, Yu. M., and S. P. Lebedev. 2015. "Aktual'nost' sobytiynoy ontologii [Relevance of Event Ontology]" [in Russian]. *Obshchestvo* [Society]: *filosofiya, istoriya, kul'tura* [Philosophy, History, Culture], no. 6: 10–12.
- "Vtoryye Bibikhinskiye chteniya [Second Bibikhin Readings]" [in Russian]. 2020. Accessed Jan. 13, 2021. <https://www.youtube.com/watch?v=gcP50eDTJ2E>.